

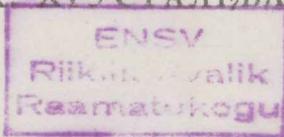
75.035 ✓

ТАЙНА ВЕЛИКАГО СТАРЦА.

(Феодоръ Кузьмичъ).

Народная драматическая легенда,
въ пяти дѣйствіяхъ,
съ прологомъ.

Н. Х. ХРУСТАЛЕВА.

Ревель.
1908 г.

809 A

Dr. J. Krotzwehl
am. GNV. Klinik
Reinoldshagen

60.330

[Faint rectangular stamp]

Отъ автора.

Печатныхъ сообщеній о таинственномъ сибирскомъ старцѣ Ѳеодорѣ Кузьмичѣ очень много. Вотъ только краткій, едва-ли исчерпывающій даже половину этой литературы, перечень:

1. Энциклопедическій словарь Брокгаузъ-Ефрона, 3 доп. томъ, изд. 1906 г., стр. 35 — „Кузьмичъ, Ѳеодоръ“.
2. Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдера. Т. IV, изд. 1898 г., стр. 445 и слѣд.
3. Литературный сборникъ „Воляскаго Вѣстника“. Казань, изд. 1898 г., стр. 1 и слѣд. „Таинственный старецъ въ Сибири“.
4. Сказаніе о жизни и подвигахъ великаго раба Божія, старца Ѳеодора Кузьмича. Вышло нѣсколько изданій въ СПбургѣ и Москвѣ. Первое изд. 1891 г. въ СПбургѣ.
5. Загадочный старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ. Москва. 1898 г.
Въ „Русской Старинѣ“:
6. 1880 г., т. 29, стр. 742. Народная легенда объ Александрѣ-отшельникѣ.
7. 1887 г., т. 10—12, стр. 529. Отшельникъ Ѳеодоръ.
8. 1891 г., Октябрь, стр. 233. Сибирскій старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ.

9. 1892 г. т. 1—3, стр. 81. Старець Θεодоръ Кузьмичъ.
10. 1892 г. Май. Отшельникъ Θεодоръ Кузьмичъ въ гробу (портретъ).
11. 1892 г., т. 4—6, стр. 452. Старець Θεодоръ Кузьмичъ.

Но помимо этихъ печатныхъ сообщеній легенда о сибирскомъ отшельникѣ гуляетъ по всему пространству нашей матушки Россіи въ сотняхъ варіацій. Автору посчастливилось многократно слышать изустные рассказы о Θεодорѣ Кузьмичѣ золотопромышленниковъ, купцовъ, рабочихъ, монаховъ, странниковъ и прочихъ „каликъ переходжихъ“. Изустные рассказы, по своей трогательности и поэтичности, далеко оставляютъ за собою печатные матеріалы. Въ рассказахъ этихъ повѣствуется и о причинахъ, заставившихъ старца покинуть большой свѣтъ, тогда какъ въ печатныхъ сообщеніяхъ объ этомъ ничего не говорится.

По народнымъ сказаніямъ Θεодоръ Кузьмичъ, какъ ветхозавѣтный израильскій царь Давидъ, обладалъ даромъ слагать дивныя пѣснопѣнія. По фактическимъ даннымъ, старецъ скончался 20 января 1864 г., а по изустнымъ народнымъ повѣствованіямъ — онъ умеръ лѣтомъ. Въ моментъ его смерти съ неба упала звѣзда и разсыпалась надъ его жилищемъ золотою пылью. Птицы и звѣри являлись поклониться его останкамъ и плакали...

Прологъ.

Прекрасный свѣтлый небожитель,
Прикрывъ крыломъ свой скромный взоръ,
Молилъ Творца: „О, Вседержитель,
Не ставь мнѣ слезъ моихъ въ укорь!..

Прости меня, но испытанье
Назначилъ мнѣ сверхъ силъ моихъ;
Мнѣ говорить мое сознанье:
„Страшись людей и дѣлъ людскихъ.

И я боюсь... въ умѣ несмѣломъ
Нѣтъ мѣста имъ, и чужды мнѣ
Ихъ души, скованныя тѣломъ
И пригвожденныя къ землѣ.

Прости мое непослушанье
И чашу мимо пронеси
И на земное испытанье
Ты духа сильнаго пошли“.

* * *

— „Не бойся, добрый духъ, съ тобою
Сойдетъ на землю духъ другой;
Онъ путеводною звѣздою
Тебѣ да будетъ въ жизни той.

Его лицо печатью рая
Отмѣчу я и по плечамъ
Спадетъ волосъ волна живая,
Какъ лучъ по яснымъ небсамъ.

Тебя онъ, ангель твой хранитель,
Убережетъ отъ жизни злой;
Онъ будетъ въ скорбяхъ утѣшитель,
И назовешь его — женой.

Коль истомятъ тебя терзанья, —
Къ плечу жены своей прильни
И слезы... слезы испытанья
Ея волосъ руномъ отри.

А если ты найти не сможешь
Тебѣ назначенной судьбы —
Въ борьбѣ съ собою изнеможешь
И кончишь жизнь скитальцемъ ты¹¹.

Дѣйствующія лица.

Король, 45 лѣтъ и человекъ прекрасной наружности, выглядитъ на 15 лѣтъ моложе, большого роста — въ 1-омъ, 2-омъ и 3-емъ дѣйствіяхъ; онъ же: въ 4-омъ дѣйствіи — странникъ и въ 5 дѣйствіи — отшельникъ.

Марья Антоновна, мамушка, вынянчившая короля—въ 1-омъ и 2-омъ дѣйствіяхъ.

Гильда, 14—15 лѣтняя дѣвочка, названная внучка Марьи Антоновны, въ 1-омъ дѣйствіи; во 2 и 5 дѣйствіяхъ — ея призракъ.

Генералъ Лиходѣевъ — въ 1 дѣйствіи.

Пустынникъ, отецъ Донатъ—въ 3 дѣйствіи.

Двѣ темныя личности:

Личность первая } въ 1 и 2 дѣй-
Личность вторая } ствіяхъ.

Придворный — во 2 дѣйствіи.

Бродяги:

1 бродяга }
2 бродяга } въ 4 дѣйствіи.
3 бродяга }

Посѣтитель
Провожатый
Женщина
Толпа народа
Медвѣдь Мишенька

} въ 5 дѣйстви.
— въ 3 дѣйстви.

Между первымъ и вторымъ дѣйствиами
проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ; между
первымъ и пятымъ—около сорока лѣтъ.

Начало дѣйстви драмы происходитъ въ
первой, а конецъ въ третьей четверти
девятнадцатаго столѣтїя.

Первое дѣйствіе.

Роскошный королевскій паркъ при дворцѣ. Король, гуляющій въ паркѣ, удивленно озираясь по сторонамъ, прислушивается къ голосу дѣвочки, которой онъ не видитъ.

Голосъ невидимой дѣвочки, (обращенный къ летящимъ на небу лебедямъ.) — Лебеди, лебеди! миленькіе лебеди! куда вы летите? возьмите Гильду съ собой! Я легонькая... возьмите меня. Полетимте вмѣстѣ далеко — далеко (голосъ удаляется, такъ-что едва слышно). Полетимте высоко-высоко (наступаетъ тишина).

Король. Что это? Обманъ слуха или дѣйствительно тутъ кто-либо... Да, впрочемъ, чему удивляться... На лѣвое ухо я глуховатъ и вотъ причина разныхъ невѣроятныхъ явленій: то слышу я звонъ колоколовъ, то пальбу пушекъ, то шумъ и грохотъ морскихъ волнъ, то страшные звуки сраженій... Но только каково это? Лебеди-лебеди, полетимте вмѣстѣ высоко-высоко! Да вѣдь это уши мои слышатъ вопль моей души... Лебеди-лебеди, возьмите меня съ собою! полетимте далеко-далеко! полетимте высоко-высоко!

Голосъ дѣвочки (приближается). Лебеди-лебеди, у меня есть кусочекъ сахарку... спуститесь ко мнѣ... Я легонькая... обниму васъ за шейку и полетимъ вмѣстѣ высоко-высоко...

Дѣвочка изъ боковой аллеи набѣгаетъ прямо на короля и, въ испугѣ, останавливается передъ нимъ, какъ вкопанная.

Король (одновременно и испуганный и удивленный) Что... что... кто ты? откуда?

Дѣвочка. Я... я... не знаю...

Король. Не знаешь?.. Какъ тебя зовутъ?

Дѣвочка (немного приходя въ себя). Я Гильда...

А ты вѣдь не король, нѣтъ?..

Король. Нѣтъ, я не король.

Дѣвочка. Ахъ, какъ я испугалась! Бабуся мнѣ говорила: смотри, Гильда, не бѣгай туда, тамъ король часто гуляетъ. Я, какъ увидѣла тебя, такъ и подумала — ужъ не король ли это? да со страху чуть-чуть не умерла. А теперь я и сама вижу, что ты не король: короли бываютъ такіе важные и сердитые, а ты добрый.

Король. А ты почему знаешь, что короли бываютъ важные и сердитые?

Дѣвочка. Бабуся говорила. Вотъ я и думала: если тотъ гренадеръ, что стоитъ у воротъ, такой важный и сердитый, что я даже и близко боюсь подойти, то какой же страшный долженъ быть самъ король.

Король. А какъ зовутъ твою бабуся?

Дювочка. Бабуся зовутъ Марья Антоновна.

Король. Марья Антоновна — твоя бабуся?

Вотъ странно. А давно-ли ты приѣхала сюда?

Дювочка. А какъ моя мама умерла, такъ меня сюда къ бабуся и привезли.

Король. Ты зачѣмъ-же это лебедей-то съ неба къ себѣ звала? На что тебѣ они?

Дювочка. Охъ, если бѣ у меня были крылышки! Я полетѣла бы далеко-далеко, высоко-высоко, туда, гдѣ звѣздочки, гдѣ много-много звѣздочекъ... Туда— гдѣ Богъ. Я бы прильнула щекой къ Божьимъ ногамъ, укутала бы ихъ своими волосами и горько-горько заплакала-бы... Я пожаловалась бы Богу на генерала Лиходѣева: зачѣмъ онъ такъ мучить людей. Бьютъ—бьютъ палками бѣдныхъ, пока выпадутъ внутренности, пока человѣка превратятъ въ кровавую массу. Я все это видѣла... Я попросила бы Бога, чтобы онъ не забывалъ бѣдныхъ людей: и взрослые и дѣти по деревнямъ мучатся и мучатся: хлѣбушка нѣтъ, кушать нечего и помираютъ отъ голода, такъ и помираютъ... Когда я жила въ деревнѣ, я отдавала свои булочки голоднымъ, а кто ихъ теперь покормить... (плачетъ). Я попросила бы Бога, чтобы онъ всѣхъ злыхъ людей прогналъ-бы съ земли прочь: злые люди ходятъ по землѣ

такіе важные, нарядные и обижаютъ бѣдныхъ людей... Злые люди живутъ во дворцахъ, а бѣдные должны скрываться отъ нихъ въ глухихъ лѣсахъ и болотахъ... (горько плачетъ).

Король. Не плачь, миленькая... Гильда... Не плачь, Гильдочка... Молись Богу, Онъ услышитъ твою молитву и заступится за бѣдныхъ... Ну, не плачь же. А, вотъ что — у меня, кажется, есть конфеты (вынимаетъ изъ кармана маленькую коробочку съ конфетами и подаетъ дѣвочкѣ). На, добрая дѣвочка, не плачь...

Дѣвочка (успокоившись и принимая коробочку, радостно): Конфеты... Я ихъ отдамъ сыну дворецкаго — Колѣ. Онъ уже недѣлю лежитъ больной въ кроваткѣ и все плачетъ. Вотъ обрадуется-то!.. (убѣгаетъ).

Король (въ задумчивости, гуляя по аллеѣ). Какъ это странно, какъ это странно... Какія удивительныя воспоминанія пробудила во мнѣ эта дѣвочка... Гильда... Это было лѣтъ тридцать тому назадъ. Когда я, усталый, послѣ бала, даннаго по случаю моей помолвки съ принцессой, бросился въ кровать и моментально заснулъ, я видѣлъ сонъ... замѣчательный сонъ... Сижу, будто бы, я въ паркѣ на скамейкѣ... (останавливается, пораженный, предъ скамейкой) Что я вижу? даже и скамейка и мѣстность были, какъ будто, вотъ эти самыя... (садится). Да, вотъ... Сижу я на скамейкѣ и гляжу на небо...

Вижу, летитъ бѣлый голубь. Летитъ, летитъ и вдругъ хлопъ — мнѣ прямо на колѣни. Только оказывается: на колѣняхъ у меня ужъ не голубь, а хорошенькая маленькая дѣвочка... Бѣлоснѣжная, серебристая рубашечка, а за спинкой трепещутъ крылышки... съ распущенными густыми золотистыми вьющимися волосами... большіе синіе глаза смотрятъ прямо мнѣ въ душу... Смотритъ и улыбается... Я спрашиваю ее: что тебѣ нужно. А она мнѣ: развѣ ты меня не узнаешь? я душа твоя, я Богомъ суженая тебѣ жена. Не женись, милый, не женись, подожди меня.—Я ее и спрашиваю: а какъ тебя зовутъ?—Она поглядѣла на меня этакъ грустно и говоритъ: у меня нѣтъ еще имени, я еще не родилась на свѣтъ.—Какъ! вскричалъ я: ты еще не родилась, а ужъ ищешь мужа?—Она, голубка, съ серебристымъ смѣхомъ вспорхнула въ воздухъ и, посылая мнѣ обѣими ручками воздушные поцѣлуи, какъ бы зашѣла: „я Гильда, я Гильда“, и скрылась въ облакахъ. Какъ ясно теперь все это я припоминаю...

Марья Антоновна (появляясь на аллѣ). Здравствуйте, ваше величество, здравствуй, родимый!

Король (радостно). Здравствуйте, Марья Антоновна, здравствуй, мамушка. Садись-ка сюда, дорогая, потолкуемъ. Что-жъ

ты мнѣ не сказала, что къ тебѣ пріѣхала внучка? Да садись-же! (Марья Антоновна садится рядомъ съ королемъ).

Марья Антоновна. Да что-жъ я стану тебя пустяками беспокоить. У тебя дѣль-то и своихъ—помоги Богъ справиться... А она то мнѣ и внучка, какъ-бы сказать, не совсѣмъ настоящая...

Король. Какъ такъ—не настоящая?

Марья Антоновна. А вотъ какъ. Когда ты французовъ гналъ въ ихъ собственное гнѣздо, а сынокъ то мой въ твоей рати былъ полковникомъ, да у васъ тамъ гдѣ-то произошло большое сраженіе, такъ вотъ тамъ-то эту самую внучку мой сынокъ и нашелъ. Пошелъ это онъ послѣ сраженія по полю битвы и видитъ: лежитъ умирающій вражій старый офицеръ и крѣпко-крѣпко прижимаетъ къ сердцу малюсенькую дѣвочку, а самъ рыдаетъ. Увидѣлъ моего сына и давай креститься по ихнему, по католическому. А потомъ и показываетъ глазами на дѣвочку: возьми, молъ, себѣ ее вмѣсто дочери. Когда мой сынъ взялъ ее къ себѣ на руки, французъ и лепечетъ: „Гильда, Гильда“, да тотчасъ и умеръ. Привезъ сынъ эту дѣвочку въ деревню и подарилъ ее своей женѣ. Окрестили ее по нашему, да и назвали Софіей. Когда ее звали Соней, то она, какъ глухая, не отзывалась, а какъ только скажутъ „Гильда“—такъ

она тотчасъ-же засмѣется и ручками захлопаетъ. Такъ и вышло: по бумагамъ она Софія, а въ жизни Гильда.

Слышенъ приближающійся голосъ Гильды.

Гильда. Соловьи-соловушки, выходите изъ вашихъ гнѣздышекъ! Скоро солнышко уйдетъ за горы и лѣса, скоро звѣздочки сойдутъ на синія небеса. Будемте, соловушки, звонкія пѣсенки пѣть... Бабуся, бабуся! (бросается къ бабушкѣ, садится рядомъ и прячетъ головку у нея на груди).

Марья Антоновна. Вотъ, Гильдочка, это нашъ кормилецъ — батюшка король. Поцѣлуй ему ручку.

Гильда, (цѣлуя руку короля). Это король? Какой онъ добрый... А я думала, что король злой.. Когда я у насъ въ деревнѣ спрашивала: зачѣмъ вы бьете палками бѣдныхъ людей? зачѣмъ вы ихъ обижаєте? мнѣ говорили: это по указу короля, такъ король приказалъ... Милый король, зачѣмъ ты приказываешь людей бить?.. Зачѣмъ ты велѣлъ денщика Ивана до смерти забить... Послѣ него остались маленькіе Сеня, Оня, Маня и Катя, имъ кушать нечего, они плачутъ. Иванъ не виноватъ, я знаю, что не виноватъ. Онъ, бѣдный, шелъ, задумавшись,—вдругъ маленькая генеральшина собачка какъ заляетъ, онъ испугался да ногою махнулъ

да собачку нечаянно и убилъ. За это его и били до смерти, а онъ совеѣмъ, совеѣмъ не виноватъ...

Король. Мамушка, научи, что мнѣ дѣлать? Я ночи провожу въ молитвѣ за свой народъ... у меня мозоли на колѣняхъ... а тамъ, отъ моего имени, терзаютъ и убиваютъ...

Далеко гдѣ-то, долго и мѣрно, кукуетъ кукушка. Король, мамушка и Гильда прислушиваются. Кукушка умолкаетъ.

Гильда. Душечка кукушечка, скажи правду: сколько годковъ Гильдѣ съ бабусей жить?

За спиной сидящихъ изъ кустовъ поднимаются двѣ темныя личности.

Личность первая (тонкимъ голосомъ). Ку...

Личность вторая (басомъ). Куу...

Обѣ личности моментально опускаются въ кусты. Сидящія въ испугѣ оборачиваются, но, ничего не видя, успокаиваются.

Король, (обращаясь къ Гильдѣ). Спроси, милая дѣвочка, кукушку—сколько мнѣ лѣтъ осталось на свѣтѣ жить.

Гильда. Кукушечка — кукушечка, скажи, кукушечка: сколько на свѣтѣ жить доброму королю?

За спиной сидящихъ опять поднимаются двѣ темныя личности.

Личность первая (тонкимъ голосомъ). Краа...

Личность вторая (басомъ). Краа...

Всѣ испуганы. Мамушка крестится, король, шепча молитву, поднялъ глаза къ небу, Гильда прижимается къ бабушкѣ. Личности опять скрываются.

Король. Мамушка! что за темныя, что за страшныя силы меня окружаютъ: всѣ мои благія начинанія на пользу народа, едва проходятъ чрезъ порогъ моего дворца, какъ превращаются въ орудія пытки... Мамушка, я не въ силахъ болѣе оставаться королемъ. Я лучше отрощу себѣ бороду и буду въ пустынѣ питаться водою и картофелемъ, чѣмъ оставаться здѣсь королемъ, во вредъ своему народу... Мнѣ страшно здѣсь... (плачетъ).

Темнѣетъ, на небесахъ вспыхиваютъ звѣзды.

Гильда, (бросаясь предъ королемъ на колѣни). Милый, добрый король! Возьми и меня съ собою въ пустыню... мнѣ тоже здѣсь страшно...

Король, (возложивъ руки на голову колѣнопреклоненной Гильды и поднявъ взоръ къ небесамъ, произноситъ чуднымъ, кроткимъ голосомъ):

О, грезы, кружитесь, какъ пчелки, летайте
Надъ юной головкой малютки прекрасной!
Ей гимны надзвѣздныхъ міровъ напѣвайте
О жизни небесной—безплотной и ясной!

Она такъ невинна: еще не коснулась
Тлетворная мерзость земныхъ побужденій
Души ея кроткой... Пока не проснулась —
Пошлите, о грезы, ей сонмы видѣній!

Занавѣсъ.

Второе дѣйствіе.

Обширный кабинетъ короля. Король за большимъ столомъ занимается дѣлами. На столѣ стаканъ съ лимонадомъ.

Генералъ Лиходѣевъ, (входитъ въ кабинетъ съ большимъ портфелемъ подъ мышкою). Здравія желаю вашему величеству.

Король. Здравствуй, другъ мой. У тебя, кажется, сегодня работа не шуточная. Садись и докладывай.

Ген. Лиходѣевъ, (вынимаетъ изъ портфеля бумаги). Дѣло первое, объ оскорбленіи вашего величества.

Король. Ну, вотъ тебѣ и на! Кто же это меня оскорбилъ? Что-то не припомню.

Ген. Лиходѣевъ. Въ благородномъ собраніи общества любителей окрашиванія носовъ въ синій цвѣтъ нѣкій графъ Косой испортилъ портретъ вашего величества.

Король. Я то тутъ при чемъ же? Маляръ, вмѣсто того, чтобы сшить себѣ изъ парусины лѣтніе панталоны, вымазалъ парусину красками, а графъ Косой, у котораго, вѣроятно, одинъ глазъ слѣпъ, а другой утонулъ въ водѣ, стало-быть, со слѣпу наткнулся на парусину и разорвалъ ее... Вотъ и все. При

чемъ же тутъ я? Ты что же предполага-
галъ-бы сдѣлать съ графомъ Косымъ?

Ген. Лиходневъ. Сослать его въ рудники...

Король. И полно, другъ мой... Отпустить
его съ миромъ на всѣ четыре стороны...
Докладывай слѣдующее дѣло.

Ген. Лиходневъ. Это дѣло важное... о ниспро-
верженіи всѣхъ основъ... Ефрейторъ
Шилоносъ открылъ большой заговоръ
въ арміи... на трехстахъ страницахъ.
Слѣдуетъ строго наказать...

Король, (перебивая). Вотъ-что, другъ мой. Ты
заговоръ открылъ, это была твоя обя-
занность, а ужъ наказаніе виновныхъ
предоставь мнѣ: это моя обязанность.

Ген. Лиходневъ. Боюсь, что ваше величество,
по своей добротѣ, отнесетесь слишкомъ
мягко къ негодяямъ... У насъ на вещи
взгляды различные.

Король. Ты правъ... взгляды у насъ, дѣй-
ствительно, различные. Но это вполне
естественно: тебя воспитывалъ сель-
скій пономарь, а меня великій мысли-
тель. Оставь дѣло о заговорѣ у меня,
я его прочту и обдумаю, что пред-
принять. А теперь, прости, другъ мой,
у меня нѣтъ времени (король встаетъ).

Ген. Лиходневъ, (также встаетъ и низко кланяется).
Вѣрите мнѣ, ваше величество, что я
преданъ вамъ до гроба, безъ лести
преданъ.

Король. Вѣрю, другъ мой, вполне вѣрю и
душевно благодаренъ.

Ген. Лиходневъ. Счастливо оставаться (уходить).

Король, (одинъ). Заговоръ въ арміи... Устроила заговоръ, конечно, все молодежь... Развѣ самъ-то я, когда мнѣ было лѣтъ двадцать, не мечталъ о переустройствѣ всего государства на либеральныхъ началахъ... Развѣ я не возмущался, видя въ государствѣ своемъ такое неустройство и варварское на все простонародіе самовластіе и тяжкое притѣсненіе? Я, прославленный другъ свободы, и такъ, по необходимости, сдѣлался ея стѣснителемъ... Нѣтъ, не мнѣ подобаетъ карать заговорщиковъ! Уберу это дѣло въ самый глубокой ящикъ, чтобы... чтобы совсемъ позабыть о немъ... А тамъ будь — что будетъ...

Убираетъ дѣло въ ящикъ. Потомъ, вдругъ, начинаетъ пристально смотрѣть въ уголъ, гдѣ появился призракъ Гильды, посылающей ему ручками воздушные, какъ-бы прощальные, поцѣлуи. Король, сначала принявъ призракъ за дѣйствительность, радостно протягиваетъ къ нему руки и говоритъ: «Гильда, миленькая Гильда! душа моя!..» Потомъ, въ ужасѣ, закрываетъ руками глаза. Вся фигура его принимаетъ видъ нестерпимой тоски. Призракъ какъ бы таетъ и разсѣивается въ воздухъ.

Король, (стонетъ). О, Боже, Боже!.. Что это...
О, Боже...

Марья Антоновна, (врываясь въ кабинетъ). Родимый мой, дорогой мой, заступись за насъ!.. Погубили, погубили мою голубку. Нѣтъ больше съ нами Гильдочки... Отняли у насъ Ангела... Ахъ, звѣри, звѣри!..

Король, (умоляюще). Что ты, мамушка, что ты... не пугай меня... Расскажи толкомъ...

Марья Антоновна. Сидѣли мы съ нею въ бесѣдкѣ, въ твоей любимой бесѣдкѣ, она читала псалтырь, а я слушала. Только вотъ прочла она псаломъ: „живый въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога небеснаго водворится“, да и говорить: „бабуся, хочу пить!“ А графинъ съ лимонадомъ на столѣ. Для тебя приготовленъ былъ. Я налила ей стаканчикъ. Она выпила, да какъ схватится за сердце: ай-ай... И нѣтъ у меня больше внучки, погубили ее злые вороны... (рыдаетъ).

Король, (плача, беретъ Марью Антоновну подъ руки). Пойдемъ, мамушка, хочу поклониться отошедшему ангелу, пойдемъ дорогая... (выходятъ).

Изъ угловъ кабинета выскакиваютъ двѣ темныя личности, тѣ самыя, что были въ паркѣ.

Личность первая. Какъ, я думалъ, что это было приготовлено для короля, а попала бабушкина Гильда... Ай, нехорошо... Это ея душенька тутъ являлась...

Личность вторая. Ну, ну, баба! Ты зачѣмъ мало влилъ яду: вотъ убили дѣвчонку наполовину, она и будетъ теперь являться, да людей пугать. Самъ виновать.

Личность первая. А будьте вы всѣ прокляты, анаемы! Жрите ваши деньги, душегубы, а я пойду и удавлюсь!

Бросаетъ кошелекъ съ деньгами къ ногамъ второй личности и убѣгаетъ.

Личность вторая, (поднимаетъ кошелекъ и хохочетъ). Ха-ха-ха! хо-хо-хо!.. Я заработалъ вдвойнѣ! Ха-ха-ха! На эти деньги можно купить дюжину такихъ дѣвчонокъ. Ну, и уважилъ пріятель, вотъ такъ спасибо. Уморился со смѣху, совсѣмъ уморился..

Вытираетъ рукавомъ съ лица потъ и беретъ со стола стаканъ съ лимонадомъ, намѣреваясь пить. Вдругъ, понохавъ, ставитъ стаканъ на мѣсто.

Личность вторая. Что ты, остолопъ,—мѣдный лобъ, задумалъ: пить королевское пойло! Да что у тебя желудокъ-то луженый, что-ли? Да тамъ въ стаканѣ, поди, отваръ мухоморовъ и дурмана... Ахъ, въ ротъ те ситнаго съ горохомъ! — Чуть-чуть не попалъ въ тартарары! Тьфу...

Слышны шаги. Личность прячется.

Король, (возвращаясь въ сопровожденіи придворнаго). Прикажи срѣзать и въ паркѣ и въ садахъ всѣ розы, какія расцвѣли сегодня и расцвѣтутъ завтра и послѣ-завтра. Усыпь ими гробъ и могилу... Иди и

распорядись сейчасъ же... (придворный уходитъ).

Король. Итакъ, я, король великой страны, не могъ, не сумѣлъ защитить, уберечь существа, самаго дорогого для меня во всемъ мѣрѣ... Какой-же я король?! Владыка народовъ долженъ оставаться на своемъ посту лишь до тѣхъ поръ, пока силы будутъ ему позволять это. Послѣ этого онъ долженъ удалиться. А какія-же у меня теперь силы. Гдѣ-же мнѣ защищать многомилліонный народъ, если я не умѣлъ защитить Гильду... Что мнѣ теперь дѣлать? Искать виновниковъ преступленія, наказывать ихъ? Да Господь съ ними! Не стану я обогрѣвать могилу моего ангела ядовитую кровью злодѣевъ. . Богъ имъ судья!

Садится въ кресло, закрываетъ руками глаза и рыдаетъ. Потомъ, чрезъ нѣкоторое время, встаетъ и, благоговѣнно поднявъ взоры къ небесамъ и сложивъ руки на груди, медленно ходитъ по кабинету, какъ-бы читая молитву.

Король, (остановившись). Издавна привыкъ я, въ минуты скорби и печали, прибѣгать, послѣ молитвы, къ лирѣ... Пошли-же, и нынѣ, Вседержитель Вселенной, мнѣ утѣшеніе выплакать горе свое въ стихахъ...

Садится къ столу и пишетъ. Потомъ встаетъ и, сквозь слезы, глубокимъ, какъ бы изъ души исходящимъ голосомъ, читаетъ, обращаясь куда-то къ безпредѣльному пространству:

Утраченъ кумиръ мой... разбита она
И порваны струны на ней...
Не слышать ужъ мнѣ никогда, никогда,
Божественныхъ лиры рѣчей.

Где что имъ она? А звучала струна—
И въ грѣ я рай находилъ...
Имъ дѣлки нужны... А струнами ея
Со мною самъ Богъ говорилъ...

Занавѣсъ.

Третіе дѣйствіе.

Жилище пустытника — дреняго сгорбленнаго старца. Обстановка ужа-сающая по своему убожеству. Въмсто кровати въ углу черныи гробъ, надъ которымъ теплится лампадка, свѣтомъ коей только и освѣщается внутренность помѣщенія. Окно нѣтъ.

Пустынникъ, отецъ Донатъ, (одинъ). — Господу Богу помолился, а теперь можно и отдохнуть.... Можно и побесѣдовать. Такъ, что-ли, отецъ Донатъ? Побесѣдуемъ. Вишь — кака у тебя благодать... На дворѣ холодъ, вьюга, а у отца Доната — какъ въ царскомъ дворцѣ... Всего вдоволь... Брюшко, вотъ, только, у отца Доната что то плачетъ. Огурчика - бы закусить, да водицы-бы малость... Ну и срамникъ-же ты, отецъ Донатъ! Право, срамникъ — сегодня пятница, а ему бы огурчика... До воскресенья долго-ли осталось?... Подожди, отецъ Донатъ, до воскресенья, потерпи... Да и огурчиковъ то у тебя, отче, немного... (идетъ въ уголь и смотритъ въ ведро) осталось съ десятокъ, не болѣе, а до новаго урожая ждать еще мѣсяцевъ пять. Стало бытъ кушать > то приходится

съ опаской... какъ бы того... Ну, что жъ, попостимся... Господь-то сорокъ дней и ночей ничего не ѣлъ... А вотъ испить-бы водицы... Глоточка-бы два, не болѣе... Да что это нынче стало съ тобою, отецъ Донатъ: то тебѣ огурчика, то тебѣ пить... Ну, инъ быть потвоему: испей водицы, испей, но не болѣе какъ два махонькихъ глоточка...

Бережно беретъ кувшинчикъ съ водою и пьетъ два глоточка. Въ это время за дверями кельи раздается безцеремонный стукъ и мычаніе медвѣдя.

Пустынникъ. Что это? Никакъ Мишенька пожаловалъ ко мнѣ въ гости?... Что это съ нимъ случилось?.. Ему бы спать въ берлогѣ, а онъ ко мнѣ...

Идетъ и отворяетъ двери. Въ келью вваливается огромный медвѣдь, стоя на заднихъ лапахъ и держа въ переднихъ тыкву, которую и опускаетъ въ уголь.

Пустынникъ. Здравствуй, здравствуй, Мишенька! Гостинецъ принесть мнѣ?.. А ты гостинецъ-то не укралъ-ли?.. Ась?..

Медвѣдь опускается на всѣ четыре лапы и со злости трясется, издавая сердитое мычаніе.

Пустынникъ. Ну, не сердись... экій, вѣдь, какой горячій... Ты, значить, это принесть изъ своего запаса?

Медвѣдь издастъ одобрителный звукъ.

Пустынникъ. Ну, спасибо, Мишенька, спасибо... Ложись въ уголокъ, да обогрѣйся...

Медвѣдь идетъ въ уголь и тамъ ложится. Пустынникъ, вдругъ, оставливается, какъ вкопанный, и начинаетъ пристально смотрѣть куда-то вдаль.

Пустынникъ. Смотри-ка, отче, смотри... кто-то по дорогѣ ѣдетъ... Въ саняхъ, на тройкѣ... шибко мчится... шуба на немъ важная... воротникъ высоко поднятъ...

Смотритъ въ пространство внимательно и сосредоточенно, потому благословляетъ.

Пустынникъ. Осанна въ Вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне! Ѣдетъ ко мнѣ Царь. Не весель онъ.... Тяжело ему, бѣдному... Ѣдетъ къ отцу Донату за совѣтомъ и благословеніемъ... (испуганно) Волки.... волки изъ лѣсу выбѣжали... цѣлая стая волковъ... бѣгутъ за санями... глаза пылаютъ, какъ горячіе угли... (Обращаясь къ медвѣдю, который проворно подымается) Мишенька, поди, разгони волковъ... скажи имъ, разбойникамъ, что это ѣдетъ къ дѣдушкѣ гость, Царь — красное солнышко...

Беретъ изъ угла огромную дубину, медвѣдь ловко выхватываетъ ее у пустынника и, потрясая дубиной въ воздухъ и издавая угрожающій ревъ, быстро выбѣгаетъ въ открытую пустынникомъ дверь.

Пустынникъ. Мишенька ихъ, разбойниковъ,
живо разгонитъ, онъ имъ уже задастъ...

Сложивъ руки на груди и поднявъ
глаза къ небу, въ некоторое время
шепчетъ молитву.

Пустынникъ. Отворяй - ка, отче, двери и
принимай дорогого и желаннаго гостя.

Идетъ къ дверямъ и широко ихъ
отворяетъ. Входитъ высокаго роста
человѣкъ, укутанный въ шубу съ
поднятымъ воротникомъ. Пустын-
никъ ведетъ посѣтителя за руки къ
скамеечкѣ и произноситъ:

Пустынникъ. Осанна въ Вышнихъ, благосло-
венъ грядый во имя Господне!

Король сбрасываетъ на скамеечку
шубу и опускается предъ пустынно-
комъ на колѣни.

Король. Возложи руцѣ твои, святыи отче,
на главу мою и сотвори молитву Гос-
подню о мнѣ, прости и разрѣши мя!

Пустынникъ, (возлагая руки на главу короля). Вѣ-
руешь-ли ты въ Бога?

Король. Вѣрую...

Пустынникъ. Вѣруешь-ли ты въ Бога?

Король. Вѣрую...

Пустынникъ. Вѣруешь-ли ты въ Бога?

Король. Вѣрую...

Пустынникъ, (вдохновенно). Живый въ помощи
Вышняго, въ кровѣ Бога небснаго
водворится... И возьмешь ты посохъ и

котомочку и пойдешь по лицу земли своей не яко царь ея, но какъ молитвенникъ... ибо такъ хочетъ Сущій на небесахъ... И чистый сердцемъ и тѣломъ, яко голубица, ты примешь заушеніе отъ рабовъ своихъ, яко преступникъ... Но живъ Богъ, Творецъ неба и земли! Онъ дастъ тебѣ мудрость великую, Онъ дастъ тебѣ даръ прозорливца, Онъ дастъ тебѣ силу цѣльбоносную и долготѣнъ ты будешь на земли... Встань, братъ мой во Христѣ, возрадуемся и попируемъ...

Идетъ къ ведерку съ огурцами, беретъ одинъ маленькій огурчикъ и подаетъ его королю. Король, съ благоговѣніемъ принимаетъ его, крестится и съѣдаетъ. Затѣмъ садится на скамеечку.

Король. Святой отецъ! Ну и навидался я страху, ѣдучи къ тебѣ... Окружила огромная стая волковъ... Мы съ кучеромъ и надежду уже потеряли.. Какъ вдругъ, откуда ни возьмись, какое-то невиданное чудовище съ огромною глубиной, да какъ съ ревомъ бросится на волковъ... Тѣ въ лѣсъ, чудовище за ними... Словно во снѣ видѣль... Святой отецъ! научи, что мнѣ дѣлать... Вся жизнь моя, насколько это зависѣло отъ меня, посвящена была только заботамъ о дѣйствительномъ преуспѣяніи общественнаго блага Европы. И вотъ — никто меня не лю-

бить, всѣ меня ненавидятъ... Измѣна
всюду...

Пустынникъ. Царь, да развѣ Господь Богъ
поставилъ тебя царствовать надъ Евро-
пой? Тамъ, въ Европѣ, свои цари... А
что же совершилъ ты на пользу своего
то народа?..

Король, (закрывая руками глаза и плача). Прости
меня, отецъ мой... Прости... Всѣ мои
благія начинанія на пользу моего
народа, едва перейдутъ черезъ порогъ
моего жилища, превращаются въ орудія
пытки противъ того самаго народа,
который я хотѣлъ облагодѣтельство-
вать.. Научи, что мнѣ дѣлать...

Пустынникъ. Сынъ мой! я всю жизнь живу,
какъ кротъ, въ темной пещерѣ...
Жизни не знаю... Чему же могу на-
учить я тебя... (обращая взоры къ небу) Боже
мой, Боже мой, пошли мнѣ премуд-
рость... (обращаясь къ королю) Царь, кликни
кликъ по землѣ своей: люди добрые,
православные! соберитесь въ храмы
Божіи, помолитесь усердно Господу
Богу небесному, да и выберите отъ
приходовъ церковныхъ мужей самыхъ
надежныхъ, вышлите избранныхъ въ
мою столицу первопрестольную и
будутъ они у меня совѣтники добрые,
нелицемерные...

Король. Отче, отче! да вѣдь народъ то въ
цѣпяхъ... и принадлежитъ не мнѣ, а
своимъ господамъ...

Пустынникъ. Царь, освободи народъ православный!

Король. Не умѣю, святой отче, не умѣю... да и силъ то у меня болѣе нѣтъ... Богъ послалъ мнѣ ангела и, еслибъ его не отняли у меня злые люди, много добра сдѣлалъ-бы я своему народу... Съ нею и солнце свѣтило ярче и мѣръ Божій казался мнѣ краше... А теперь... теперь я болѣе ни на что не годенъ... Отняли у меня... (рыдаетъ).

Пустынникъ. Это былъ вѣстникъ Божій. Не отняли, не могли его отнять, а на то была Божья воля, чтобы ты позналъ, что не слѣдуетъ тебѣ оставаться царемъ, что на тронѣ долженъ быть мужъ, духомъ болѣе сильный, чѣмъ ты (пророчески). И будутъ послѣ тебя на Руси цари, которые мужественно, властною рукою, сорвутъ съ русскаго народа цѣпи тѣлесныя и духовныя... И будетъ царь, которому нанесетъ обиду неслыханную не богатырь — исполинъ, а племя малое... Тогда встрепенется орелъ и пробудится... И соберетъ онъ лучшихъ людей земли православной и будутъ они ему совѣтники, Богомъ данные, нелицемѣрные. И поднимется Русь высоко — высоко... А надъ Русью онъ, Царь — Орелъ, словно солнышко красное. Смотри — вотъ онъ!

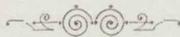
Король, (поднявъ взоры къ небесамъ, а руками какъ-бы кого-то благословляя, говоритъ):

Пусть твой царскій полетъ будетъ гордь и высокъ,
Крыльевъ царственныхъ взмахъ и могучъ и широкъ.
Съ чудныхъ горнихъ высотъ освѣщай — согрѣвай,
Словно солнышко, насъ, Царь — Орелъ Николай.

Скипетръ предковъ своихъ высоко подними,
Православный народъ отъ враговъ охраняй:
Да познають враги, что у насъ на Руси,
На престолѣ отцовъ, Грозный Царь Николай.

А держава твоя путеводной звѣздой
Прецъ очами славянъ неустанно сіяй:
Да познаетъ весь міръ, что надъ русской землей
Богомъ вѣнчанный Царь — Славный Царь Николай.

Занавѣсъ.

Четвертое дѣйствіе.

Зима. Дремучій лѣсъ. Сквозь вѣтви деревьевъ видна въ отдаленіи дорога, по которой везутъ съ пышною церемонією тѣло умершаго короля.

Страшникъ. Тяжело разомъ отрѣшиться отъ прошлаго... Для чего зашелъ я верстъ на сто въ сторону... Спѣшилъ... А чтобы увидѣть, какъ провезутъ мой гробъ... какъ хоронятъ меня... то есть — не меня, а мое имя... Бѣдный солдатъ... служилъ мнѣ всю жизнь, служить привелось и послѣ смерти. Помню его радость, когда онъ узналъ, что около него, умирающаго солдата, стоитъ его король... Былъ, однако же, и я пораженъ сходствомъ солдата со мною. А какъ все это произошло неожиданно... Ъхалъ по улицѣ жалкаго городка, вдругъ вижу: стоитъ какая-то старая развалина. Что это? — спрашиваю.—Лазаретъ. У меня явилась непреодолимая потребность посѣтить лазаретъ. Всѣ отговариваютъ. Врываюсь въ лазаретъ почти силой. Вижу этого умирающаго солдата... Какъ молнія, ослѣнила меня мысль: притвориться больнымъ, до-тѣхъ-поръ, пока умреть

солдатъ, а затѣмъ... Конечно, безъ помощи добраго барона, сдѣлать все это мнѣ было-бы не легко... Когда же, наконецъ, трупъ солдата принесли въ мою спальню, а я оттуда вышелъ, свободный какъ птица, чтобы болѣе никогда не возвращаться въ свои королевскіе дворцы... Кто опишетъ этотъ восторгъ, эту безумную радость, что преисполнили все мое существо!.. Я болѣе не король!.. А кто же изъ моихъ около гроба... посмотримъ... посмотримъ...

Пристально смотреть на процессію, стараясь разглядѣть лица окружающихъ.

Кучеръ Иванъ... мой добрый Иванъ... я такъ и зналъ... а вотъ и князь...

Въ это время около странника появляются трое бродягъ. Процессія удаляется.

1 бродяга. Любезный... а, любезный... ты не изъ тѣхъ-ли будешь, что хотятъ вскрыть гробъ?

Странникъ. Вскрыть гробъ? зачѣмъ?

2 бродяга. Ну-ну... не прикидывайся дурачкомъ.

3 бродяга. Насъ, братъ, не бойся... мы и сами изъ таковскихъ...

Странникъ. Ничего, братцы, не понимаю... Я просто хотѣлъ посмотреть...

1 бродяга. А почему-же ты не вышелъ на дорогу? Коли ты человѣкъ законный,

такъ чего жъ ты тутъ въ кустахъ да въ снѣгу прячешься?

Странникъ. А я, братцы, человекъ не совсѣмъ законный... я непомнящій родства...

2 бродяга. Чтой-то за чудо: человекъ ты еще молодой, а родство позабылъ...

3 бродяга. Вотъ ужо попадешь на зубъ стражникамъ, да какъ они тебѣ выплютъ плетей сотню, такъ и впрямь позабудешь все свое родство.

1 бродяга. Да что тутъ о пустякахъ толковать! Нѣтъ ли у тебя, добрый человекъ, хлѣбушка... перекусить бы малость...

Странникъ, (вынимая изъ котомки краюху хлѣба и подавая ее бродягамъ). Хлѣбушка? есть, есть... Возьмите, да и кушайте на здоровье... А мнѣ расскажите, кто хочетъ вскрыть гробъ и зачѣмъ.

Бродяги подѣлили между собою хлѣбъ и ѣдятъ.

1 бродяга. Гробъ хотятъ вскрыть фабричные. Не вѣрятъ, что король умеръ. Не король, говорятъ, въ гробу, а кто-то другой. Мы, говорятъ, такого обмана не потерпимъ. Коли, говорятъ, не позволятъ вскрыть, то порохомъ взорвемъ и гробъ и всѣхъ придворныхъ. Не умеръ, говорятъ, нашъ король.... Гдѣ ему умереть — былъ словно красное солнышко.

Странникъ. Ну, а вы-то что думаете: короля хоронять или не короля?

2 бродяга. Мы-то? Да намъ-то что за дѣло? А пусть хоронять кого хотятъ: хоть короля, хоть архимандрита, хоть архимандритову тещу...

3 бродяга. Мы, вѣдь, не живые, мы люди умершіе.

Странникъ. Умершіе? А какъ-же хлѣбъ-то ѣдите?

1 бродяга. Умерли, вѣдь, не мы, а наши паспорта.

Странникъ. Это какъ же?

2 бродяга. А вотъ какъ. Придумалъ Генераль Лиходѣевъ военныя поселенія. Вотъ всю нашу волость — и малыхъ и старыхъ одѣли въ солдатскую одежду. Жилъ я до того въ своей хаткѣ съ женою и дочкой, да не тужилъ. А тутъ въ мою то хатку пригнали жить дюжину солдатъ. И хатка моя и женка и дочка — всѣ стали казенныя. Пошелъ я къ командиру и говорю: нѣтъ, не согласенъ. А онъ говоритъ: а не согласенъ — такъ дать ему тысячу палокъ. Тысячу палокъ дали, я, стало-быть, и умеръ. Зарыли меня въ землю, да не глубоко. Пошелъ дождь, я ожилъ, да и вылѣзъ изъ могилы. Вотъ, я хоть и живъ и женку и дочку издали видѣлъ, а домой явиться и не могу. А явлюсь назадъ — такъ еще всыплютъ тысячу палокъ, да еще разъ

зароютъ въ землю, да поглубже, такъ, пожалуй, второй-то разъ и не выльзешь... Вотъ я и скрываюсь въ лѣсахъ, словно лѣшій...

3 бродяга. А вдова то твоя, поди, снова замужъ вышла...

2 бродяга. А Господь съ нею. Не мужъ я болѣе ей, а какъ-бы оборотень съ того свѣта. А дочку жалко... повидать-бы...

1 бродяга. Ну, довольно... Обмозгуемъ лучше, гдѣ сегодня ночевать будемъ. (обращаясь къ страннику) Ты куда теперь направляешься?

Странникъ. Есть тутъ недалеко монастырь синегорскій. Туда и пойду.

1 бродяга. То-то гляжу я все время на тебя и думаю, что ты за человѣкъ: не то попъ, не то самъ епископъ... Ты не изъ духовныхъ-ли?

Странникъ. А тебѣ зачѣмъ это знать?

1 бродяга. А коли ты изъ духовныхъ, спѣль-бы ты намъ эту пѣснь, что поютъ надъ покойниками: „Волною морскою“...

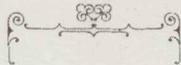
Странникъ. Это зачѣмъ-же?

1 бродяга. Шестьдесятъ лѣтъ я прожилъ на свѣтѣ, а за все это время душа моя радовалась только одинъ разъ. Когда, послѣ казни, моя старуха мать и жена выпросили у начальства мое тѣло для погребенія и я лежалъ въ гробу, а священникъ съ пономаремъ надо мною пѣли: „Волною морскою... къ

тихому пристанищу“... Ахъ, какъ возрадовалась душа моя!... Поютъ, а на душѣ у меня такъ хорошо, такъ хорошо... и вспомнилъ я свою казнь, вспомнилъ, какъ больно меня били плетями и совсѣмъ напрасно, потому что невиновенъ я былъ... Вспомнилъ, да какъ заплачу въ гробу... всѣ разбѣжались и церковь опустѣла. Я очнулся, изъ гроба вылѣзъ, да прямо въ лѣсъ, да такъ вотъ и живу уже годовъ десять. Чую я, что смерть моя близко — близко, а умру — отпѣвать теперь меня уже никто не будетъ. Сдѣлай ты милость, добрый человѣкъ, отпой ты меня заживо: умирать будетъ спокойнѣе (низко кланяется страннику).

Странникъ, обнаживъ голову и поднявъ глаза къ небесамъ, готовится начать пѣніе псалма. Бродяги также обнажаютъ головы.

Занавѣсъ.

Пятое дѣйствіе.

Сцена 1 ая.

Внутренность кельи отшельника. Отшельникъ — древній старецъ большого роста, благолѣпнаго вида, съ длинною сѣдою бородою и сѣдыми волосами на головѣ, стоитъ на колѣняхъ и молится. Помолвившись, встаетъ на ноги и, закрывъ лѣвою рукою глаза, остается въ такомъ положеніи.

Отшельникъ. Нехорошо, нехорошо: идетъ ко мнѣ бывшій мой слуга просить за своего страждущаго друга. Онъ меня узнаетъ... Около сорока лѣтъ я скрываю свое происхожденіе и вотъ теперь все откроется. Да, впрочемъ, кто ему повѣритъ? Если-бъ самъ мой отецъ всталъ изъ гроба и повѣдалъ всему міру, что я сынъ его... и ему никто не повѣрилъ-бы... А подвигъ мой подходитъ къ концу... Недолго осталось мнѣ жить (воздѣвая руки къ небу) Господи-Боже! благодарю тебя...

Слышенъ тихій стукъ въ двери.

Отшельникъ. Войдите, войдите.

Входитъ посѣтитель — старикъ и плача падаетъ на колѣни предъ отшельникомъ.

Посѣтитель. Святый отче! Богъ далъ тебѣ даръ утолять людскія страданія, тѣлесныя и душевныя, Богъ далъ тебѣ даръ исцѣлять страждущихъ... Слава о тебѣ разнеслась по всей странѣ... Святый отче, угодникъ Божій, помоги намъ! Другъ мой тяжело страдаетъ... Мечется по полу, не зная ни минуты покоя, ни днемъ, ни ночью. Рветъ ногтями тѣло, грызетъ зубами свои руки... Помоги намъ, помоги намъ (прильнуть лбомъ къ полу, громко рыдаетъ).

Отшельникъ. А кто вы, ты и твой другъ? Откуда Богъ васъ сюда привелъ?

Посѣтитель. Мы съ другомъ служили въ молодости въ королевскомъ конвоѣ. Когда король умеръ, а насъ заставили присягнуть сначала одному королю, а потомъ черезъ нѣсколько дней другому, мы, вмѣстѣ съ прочими войсками, бунтовали: нельзя же такъ... Потомъ, когда младшій король взялъ верхъ надъ старшимъ, насъ сослали на поселеніе. Отче, святой отче, помоги намъ!..

Отшельникъ, возлагая руки на голову посѣтителя, говоритъ чуднымъ кроткимъ голосомъ.

Отшельникъ. Встань, братъ мой, встань... Господь услышитъ наши молитвы и страждущій другъ твой выздоровѣетъ... Встань...

Посѣтитель встаетъ на ноги, благоговѣнно смотритъ нѣсколько секундъ на отшельника, потомъ, вдругъ, съ

ужасомъ, отступаетъ отъ него, схватывается руками за голову и съ крикомъ «король, король» валится безъ чувствъ на полъ.

Отшельникъ открываетъ дверь кельи и, обращаясь къ провожатому, говорить.

Отшельникъ. Войдите... возьмите и вынесите его бережно, онъ очнется и оправится, но скажите ему, чтобы онъ никому не говорилъ, что онъ видѣлъ и слышалъ... больной же товарищъ его выздоровѣтъ.

Входитъ провожатый и, кланяясь отшельнику, выносить посетителя изъ кельи.

Отшельникъ, положивъ одну руку на грудь, а другую заткнувъ за поясъ, нѣкоторое время медленно ходитъ въ глубокой задумчивости по кельи.

Раздается осторожный стукъ въ двери и входитъ старая женщина, низко кланяясь отшельнику.

Женщина. Батюшка, очнулся онъ... очнулся и говорить, что въ молодости состоялъ при тебѣ, былъ на парадѣ при твоихъ похоронахъ, а ты вотъ тутъ и живъ... только теперь старый и съ бородой... Прости ты меня, неразумную... открой, батюшка, кто ты...

Отшельникъ. Какъ, я такъ давно живу въ твоихъ хоромашъ, а ты не знаешь, кто я... я крестьянинъ Θεодоръ Кузьмичъ.

Женщина. Батюшка, не объ этомъ я спрашиваю... а по настоящему...

Отшельникъ. Нѣтъ... это не можетъ быть открыто никогда...

Женщина. Батюшка, объяви имя своего ангела!

Отшельникъ. Это Богъ знаетъ...

Женщина. Ну, повѣдай хотя имена своихъ родителей, чтобы молиться за нихъ.

Отшельникъ. Это тебѣ знать нельзя. Святая церковь за нихъ молится... Иди, иди... съ Богомъ.

Женщина выходитъ.

Занавѣсъ.

Сцена 2-ая.

Умирающій отшельникъ лежитъ на кровати, состоящей изъ досокъ, безъ всякой подстилки, съ доскою же вмѣсто изголовья. Въ кельи, кромѣ отшельника, нѣтъ никого. Въ открытое окно кельи видна чудная лѣтняя лунная ночь въ лѣсу. Изъ лѣсу несутся громкія торжественныя трели соловья. Умирающій съ умиленіемъ прислушивается къ пѣнію, нѣсколько разъ пытается подняться, чтобы сѣсть, но въ изнеможеніи опять падаетъ на спину.

Отшельникъ, (лежа на спинѣ). Пѣснь соловья... Миленькій соловушко, сколько радости принесло мнѣ твое пѣніе... Вѣдь и я соловей... Соловушко—соловушко! ты пробудилъ во мнѣ желаніе спѣть послѣднюю лебединую пѣснь... Чудные звуки твоей пѣсни пробудили во мнѣ... пробудили во мнѣ...

Произносить по вдохновенію хотя и съ трудомъ и медленно, но чуднымъ и яснымъ голосомъ стихотвореніе. Когда говоритъ умирающій, то соловей поетъ тихо, иногда совсѣмъ умолкаетъ и наоборотъ — когда умолкаетъ, съ окончаніемъ строфы, умирающій, соловей поетъ громко и отчетливо. Получается какъ-бы дуэтъ.

Отшельникъ

Пѣлъ соловушко пѣснь, пѣлъ голу́бокѣ своей,
Пѣсню пѣлъ ей о томъ, какъ онъ любитъ ее...
Темный лѣсъ и луна внемлѣтъ пѣснѣ святой,
Приумолкъ ручеекъ... Все восторгомъ полно.

Пѣлъ соловушко пѣснь... Эта пѣснь донеслась
До страдальца, и вдругъ онъ затихъ, какъ балзамъ
Влилась въ сердце его и надъ нимъ разошлась,
Какъ небесный покровъ, неземной оніамъ.

Молить небо бѣднякъ, примирившись съ судьбой,
Милосердно принять душу грѣшную тамъ...
И поднялась она отъ юдоли земной,
Вмѣстѣ съ гимномъ пѣвца, высоко къ небесамъ.

На нѣкоторое время воцаряется полная тишина. Отшельникъ лежитъ безъ движенія.

Въ келью начинается доноситься громкое пѣніе двухъ соловьевъ. Затѣмъ соловьи мало по-малу удаляются и наконецъ голоса ихъ сливаются въ одну мелодію, которая нѣжно, какъ мотылекъ, порхаетъ по кельи.

Отшельникъ пробуждается, дѣлаетъ нѣсколько разъ попытку съѣсть и, наконецъ, садится на кровати и произноситъ вдохновенно второе стихотвореніе, тѣмъ же медленнымъ, но чуднымъ и яснымъ голосомъ, все время акомпанируемый далекимъ пѣніемъ соловьевъ.

Отшельникъ:

Изъ разныхъ сторонъ необъятной вселенной
Другъ къ другу стремились двѣ бѣдныхъ судьбы...
Изъ дали безвѣстной, изъ дали забвенной,
Стремились вѣками другъ къ другу они!

Влекомыя силой божественной страсти,
Влекомыя чудомъ священной любви,
Изъ тьмы вѣковѣчной таинственной власти
Двѣ божія искры другъ друга нашли.

И что-же, о горе... едва-лишь узнали
Другъ друга и вновь разошлись ихъ пути...
Надежду земную навѣкъ потеряли
И снова другъ друга имъ, нѣтъ, не найти!..

Затѣмъ въ изнеможеніи падаетъ на
спину и нѣкоторое время лежитъ въ
забытїи. Пробуждается.

Отшельникъ. Надежду земную навѣкъ поте-
ряли и снова другъ друга имъ, нѣтъ,
не найти!.. Надежду земную... но еще
осталась надежда небесная — самое
лучшее, что у меня было въ теченіе
всей моей жизни. Надежда земная,
благодареніе Господу Богу, уже конча-
ется, и я скоро буду тамъ... а тамъ
мы другъ друга найдемъ...

Тихо шепчетъ молитву, потомъ про-
должаетъ.

Отшельникъ. Господь мой! Прибѣжище мое!
Благодарю тебя, Создатель, что сподо-
билъ меня довести до желаннаго конца
подвигъ мой... О, какое счастье!..
Скоро, скоро сброшу съ себя эту
скорлупу и буду легокъ и свободенъ,

какъ облачко... А все-таки, жизнь... жизнь... какъ разнообразна, какъ привлекательна она была... Мои дворцы, мои парки... А народъ мой, а народъ мой... которому я принесъ столько зла... столько пролилъ напрасно крови, заботясь не о пользѣ народной, а о своемъ тщеславіи... Освободилъ Европу, а народъ свой освободить не сумѣлъ. Оставилъ въ рабствѣ... и кого? тотъ народъ, который, который... (приподымаясь на локтѣ, восклицаетъ съ воодушевленіемъ) „Веди насъ, куда хочешь! веди насъ, отецъ нашъ, умремъ или побѣдимъ. Всѣ умремъ за тебя!“

Падаетъ въ изнеможеніи на спину, потомъ черезъ нѣсколько секундъ опять приподымается на локтѣ съ закрытыми глазами и какъ бы въ безсознательности произноситъ.

Отшельникъ: Царю! Господь съ тобою: онъ гласомъ твоимъ повелитъ бури, и станетъ въ тишину и умолкнутъ волны потопныя. Съ нами Богъ! разумѣйте, языцы, и покоряйтесь, яко съ нами Богъ!... (падаетъ на спину). И вотъ — побѣды, побѣды, побѣды безъ конца... А потомъ — раскаяніе... Лебеди — лебеди, возьмите меня съ собою! полетимте далеко — далеко! полетимте высоко—высоко!.. (плачетъ, потомъ на нѣкоторое время умолкаетъ).

И возьмешь ты посохъ и котомочку и пойдешь по лицу земли своей не

яко царь ея, но какъ молитвенникъ...
Царь... по лицу земли своей... въ
цѣпяхъ, вмѣстѣ съ колодниками... А
потомъ плети... плети!..

Мгновенно, съ широко открытыми
отъ ужаса глазами, подымается, са-
дится на лежанкѣ и, задыхаясь, громко
кричитъ, руками какъ-бы отмахива-
ваясь отъ чего-то ужаснаго:

„Довольно! Довольно!.. О, Боже“..

Въ это мгновеніе появляется призракъ
Гильды, съ серебрянымъ сіяющимъ
крестомъ въ рукахъ, съ широко рас-
простертыми крыльями, съ неземною
улыбкою на устахъ.

Отшельникъ, (протягивая къ призраку руки и проливая
слезы, умоляюще шепчетъ):

„Гильда, Гильда возьми меня,
Гильда“

Падаетъ на ложе мертвымъ. Призракъ
разсѣивается.

По небесамъ проносится огненный
метеоръ.

Черезъ нѣсколько минутъ за окномъ
появляется съ воемъ стая волковъ.

Нѣкоторые заглядываютъ въ окно,
но забраться въ келью ни одинъ не
рѣшается. Воютъ жалобно, какъ-бы
плачутъ, и скоро удаляются.

Въ окнѣ появляется медвѣдь. Осмо-
трѣвшись, медвѣдь неторопливо влѣ-
заетъ въ келью, садится около кро-
вати и съ жалобнымъ мычаніемъ,
какъ-бы оплакивая почившаго, ли-
жетъ его свѣсившуюся съ кровати
руку.

Занимается утренняя заря. Свѣтаетъ. Начинается шумное привѣтствованіе утра пернатыми обитателями лѣса. Медвѣдь, оглядываясь, какъ-бы прощаясь съ умершимъ, медлительно вылѣзаетъ изъ кельи и скрывается. Надъ окномъ начинается утреннее пѣніе соловья.

Въ келью входитъ старикъ и смотритъ испуганно на почившаго. Опускается на колѣни, молится, цѣлуетъ его руку и выходитъ.

Входитъ толпа народу. Всѣ въ великой скорби и отчаяніи. Падаютъ на колѣни. Рыданія.

К о н е ц ъ .